

осужденное в 1210 г. Данное произведение не дошло до нас, за исключением недавно найденного фрагмента, равного примерно 15 печатным страницам, а также важных цитат и анализа, которые содержатся в творениях Альберта Великого, Фомы Аквинского и Николая Кузанского. Как подсказывает само заглавие трактата, учение Давида, как и учение Эриугены, заключалось в «делении» бытия. Он разделял его на три неделимых «бытия»: тела, души и отдельные субстанции. Первое неделимое, состоящее из тел, он называл «Уле» (материя); первое неделимое, состоящее из душ, он называл «нус», или «мысль» («mentem»); что касается первого неделимого в вечных субстанциях, то его он именовал Богом. Однако, как указывает св. Фома, которому мы обязаны этими сведениями, Давид добавлял, что эти три неделимых суть одно и то же, из чего следует, что всё есть в сущности одно: «Et haec tria esse unum et idem; ex quo iterum consequitur esse omnia per essentiam unum» (II Sent., XVII, 1, 1). Текст св. Фомы не является цитатой из Давида, и мы не можем сказать с уверенностью, был ли этот последний вывод сделан самим Давидом, но это можно допустить и сразу ясно почему. Единое в «De divisionibus», «Нале» и «Нус» нам знакомы уже давно. Они могут участвовать в формировании того самого «комплекса» с новым принципом: все сущее есть одно именно потому, что оно есть. Но-

вое в учении Давида заключается скорее в том, что вместо того, чтобы всё объединить посредством божественного бытия, он, как представляется, объединяет все, включая самого Бога, посредством просто бытия. Этот учитель приносил в метафизику привычки логика. Исходным пунктом его аргументации является, по-видимому, тот факт, что наш интеллект способен постигать одновременно и Бога и материю. А постигнуть вещь — значит усвоить ее. Обычно интеллект усваивает объекты, абстрагируя их формы, но поскольку ни Бог, ни первоматерия форм не имеют, то наш интеллект не может их охватить. Скорее всего это происходит потому, что он тождествен с ними. Таким образом, Бог, интеллект и материя — одно и то же. Можно даже понять, почему из этих трех терминов именно материя составляет основу реальности. Аргументация Давида опирается на принцип, что ни Бог, ни материя не имеют формы. Это неизбежно, ибо существа, определенные формами, суть субстанции, входящие в категории. Эти субстанции действуют благодаря своим формам. Чтобы дойти до их начал, нужно достичь того, что предшествовало их бытию, актуализованно-му формой; но тогда мы увидим лишь бытие в возможности, а поскольку оно неопределенно по своей природе, то оно едино. Но чистая возможность и материя составляют одно: следовательно, едины Бог и материя. Разумеется, Давид не считает при этом, что все сущее — это тела: тела состоят из материи, определенной формами; но он хочет сказать, что если отвлечься от тел, дабы достигнуть их начала, то можно обнаружить чистую потенциальность — материю, которая не поддается категоризации и которую, если желаешь постичь божественную природу, следует полагать предшествующей всем категориям, а значит — чистой потенциальностью, то есть опять материей. Следовательно, Бог и материя тождественны. Нет ничего легче, чем прийти к такому заключению, логически рассуждая о «Богенбытии» Дионисия и Эриугены. Бог — это небытие, мате-

Глава VII. Греч. и араб. влияния в XIII в. и основание университетов

292

рия - это тоже небытие, следовательно, Бог есть материя, или материя есть Бог. Фрагменты, которыми мы располагаем, не позволяют со всей определенностью утверждать, что ход рассуждений Давида был именно таков. Возможно, впрочем, что он опирался на не известные нам источники. Альберт Великий убеждает читателей, что учение Давида восходит к учению Ксенофана* в том виде, в каком его излагал Александр